

Лучшая мировая классика

Антуан

ДЕ СЕНТ- ЭКЗЮПЕРИ

Маленький
принц

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.133.1-3
ББК 84(4Фра)-44
С31

Серия «Лучшая мировая классика»

Серийное оформление и компьютерный дизайн
В. Воронина

Сент-Экзюпери, Антуан де.

С31 Маленький принц : [сборник : перевод с французского] / Антуан де Сент-Экзюпери. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 480 с. — (Лучшая мировая классика).

ISBN 978-5-17-116870-4

Без Антуана де Сент-Экзюпери (1900–1944), уже при жизни ставшего легендой, невозможно представить литературу XX века. В одном из писем он заметил: «Ищите меня в том, что я пишу». Он всегда просто и проникновенно говорил о самом важном: о дружбе и любви, о долге и верности, о красоте и нетерпимости ко злу. Именно поэтому его книги трогают каждого до глубины души.

Экзюпери, будучи мыслителем-гуманистом, считал человека «краеугольным камнем цивилизации». Именно поэтому все его творчество — это гимн любви к людям и хрупким, но неразрывным узам братства, которые связывают всех обитателей нашей планеты. В мудрой философской сказке «Маленький принц» и автобиографическом сборнике эссе «Планета людей» писатель ищет ответы на самые важные вопросы, которые нужно «увидеть сердцем».

В сборник также вошли повести, посвященные главной страсти писателя — авиации: «Южный почтовый», «Ночной полет» и «Военный летчик».

**УДК 821.133.1-3
ББК 84(4Фра)-44**

© Перевод. Д. Кузьмин, 2014
© Перевод. М. Ваксмахер, наследники, 2019
© Перевод. Н. Галь, наследники, 2019
© Перевод. А. Тетеревникова, наследники, 2019
© ООО «Издательство «АСТ», 2020

ISBN 978-5-17-116870-4

ЮЖНЫЙ ПОЧТОВЫЙ

Часть первая

I

Радиограмма. 6.10. Тулуза всем аэродромам. Почтовый Франция — Южная Америка вылетел 5.45. Точка.

Небо, чистое, как вода, омыло звезды и расставило их по местам. И наступила ночь. Сахара, дюна за дюной, расстилалась под луной. Этот светильник не высекает предметы из тьмы, но творит, насыщая нежной плотью. Под нашими приглушенными шагами — роскошество плотного песка. И мы идем с непокрытой головой, сбросив бремя солнца. Ночь — наш кров и прибежище...

Но как поверить, что это — покой? Неустанно неслись к югу пассаты, шелком шелестел выметаемый дочиста пляж. Не то что ветра Европы: покрутятся да и утихнут, — эти свистели над нашими головами постоянно, как над мчащимся поездом. Иной ночью они врзались в нас с такой силой, что, казалось, только обопришь — и тебя подымет и унесет невесть куда. Вот это скорость, вот это неистовство!

Возвращалось солнце, приводя за собой день. Мавры слегка волновались. Некоторые отваживались приблизиться к испанскому форту, размахивали руками, их ружья казались игрушечными. Сахара, вид из-за кулис: непокорные племена — простые статисты, без малейшего покровта тайны.

Мы жили с ними бок о бок, видя в них собственное отражение, только попроще. И потому не чувствовали, что затеряны в пустыне: чтобы понять, как мы были одиноки, надо было сперва вернуться домой и посмотреть на здешнюю жизнь со стороны.

Пятьсот метров — и начинается непокоренная страна: дальше — ни шагу. Мы были в плену у мавров и у самих себя.

Наши ближайшие соседи — в Сиснеросе, в Порт-Этьене, за семьсот, за тысячу километров — точно так же были схвачены Сахарой, словно крупинки металла — рудой. Обращались по своей орбите вокруг такого же форта. Мы знали их по именам, по их причудам, но толща безмолвия пролегла между нами, как между обитаемыми планетами.

В то утро мир для нас начал оживать. Радист наконец принес телеграмму (раз в неделю нас связывали с миром две врытые в песок мачты):

Почтовый Франция — Южная Америка вылетел Тулузы 5.45. Точка. Прошел Аликанте 11.10.

Говорила Тулуза, головной аэродром, Тулуза — далекий бог.

За десять минут эта весть доходила до нас через Барселону, через Касабланку, через Агадир, а потом распространялась до самого Дакара. По всей линии — пять тысяч километров — аэродромы проверяли готовность. В шесть вечера радио заговорило снова:

Почтовый приземлится Агадире 21.00, вылетит Кап-Джуби 21.30, здесь подсветить мишленовской ракетой, в Кап-Джуби обычные сигнальные огни. Точка. Держите связь Агадиром. Тулуза.

В Кап-Джуби, затерянные в песках Сахары, мы следили, как из обсерватории, за далекой кометой.

К шести вечера встревожился юг:

Дакар Порт-Этьену, Сиснеросу, Джуби: Срочно сообщите сведения почтовом.

Джуби Сиснеросу, Порт-Этьену, Дакару: Никаких сведений после прохождения Аликанте 11.10.

Где-то рокотал мотор. От Тулузы до Сенегала пытались его услышать.

II

Тулуза. 5.30.

Служебный автомобиль резко тормозит у ворот ангара, распахнутых в ночь и дождь. Прожектора по пятьсот свечей вырубает из тьмы предметы — грубые, голые, четко очерченные, как на витрине. Под сводом ангара каждое слово раскатывается, длится, наполняет собой тишину.

Сверкает сталь обшивки, ни пятнышка масла на моторе. Самолет как новенький. Как тончайшее часовое устройство — и механики касались его пальцами изобретателей. Теперь все готово — они отходят от дела своих рук.

— Живей, господа, живей...

Мешок за мешком чрево машины поглощает почту. Быстрая проверка:

— Буэнос-Айрес... Натал... Дакар... Касабланка... Дакар... Тридцать девять мешков. Точно?

— Точно.

Пилот одевается. Пара свитеров, шарф, кожаный комбинезон, сапоги на меху. Сонное тело неповоротливо. Его торопят: «Давай живее!» Тяжело и неуклюже, едва удерживая негнущимися в толстых перчатках пальцами часы, высотомер, планшет с картами, он карабкается в кабину — водолаз вне своей стихии. Но вот он на месте — и все становится легко.

К нему поднимается механик:

— Шестьсот тридцать килограмм.

— Пассажиры?

— Трое.

Не глядя, он берет их под начало.

Начальник линии поворачивается к рабочим:

— Кто крепил капот?

— Я.

— Двадцать франков штрафа.

Начальник линии бросает последний взгляд на машину: всюду совершенный порядок, движения выверены, как в балете. Самолет в этом ангаре так же точно занимает свое место, как будет занимать его в небе пять минут спустя. И весь полет рассчитан так же точно, как спуск на воду корабля. На капо-

те недостает крепежного шплинта — чудовищная ошибка! Проектора в пятьсот свечей, придирчивый осмотр, суровая требовательность — все для того, чтобы от посадки к посадке, до самого Буэнос-Айреса или Сантьяго этот полет совершался силой законов аэродинамики, а не волей случая. Чтобы вопреки туманам, бурям и вихрям, и тысяче тайных угроз в пружине или коромысле клапана, — вопреки всем козням материи — настичь, обогнать, посрамить все эти скорые и товарные, поезда и пароходы! И приземлиться в рекордный срок в Буэнос-Айресе или Сантьяго.

— В путь!

Маршрутный лист для пилота Берниса: план битвы.

Бернис читает:

Перпиньян передает: Небо чистое, ветра нет. Барселона: Буря. Аликанте...

Тулуза. 5.45.

Мощные колеса давят на тормозные колодки. Прибитая к земле ветром от винта, струится и трепещет трава на двадцать метров назад. Одним движением кисти Бернис дает волю буре или укрощает ее.

А гул мотора все разбухает, накатывается и накатывается, становясь наконец плотной, почти твердой средой, в которой замкнут самолет. И вот пилот ощущает: этот гул что-то в нем переполнил, какое-то чувство, которого мгновение назад было недостаточно. Он говорит себе: есть! Смотрит на черный против света капот, гаубицей упирающийся в небо. Там, за винтом, дрожит заря.

Медленно вырulingивая навстречу ветру, он берет на себя рукоять газа. Самолет, подхваченный винтом, бросается вперед. Упругий воздух сглаживает первые скачки, земля растягивается и блесит под колесами, как приводной ремень. И когда воздух, сперва неосязаемый, потом текучий, наконец кажется ему твердым — пилот опирается на него и взмывает ввысь.

Окружавшие аэродром деревья расступаются, открывая горизонт, и исчезают. Склонись с высоты двухсот метров, взгляни, пока видно, на этот игрушечный, для детей, мирок: как прямо поставлено каждое дерево, как раскрашены дома, и леса топорщат свой густой мех, — на этой земле живут...

Бернис ищет нужный наклон спины, точное положение локтя — должно быть удобно. Позади — низкие тучи возводят над Тулузой темный свод вокзала. Бернис уже не так сдерживает рвущийся в высоту самолет, постепенно давая волю силе, зажатой в его руке. И каждая волна, рождаясь от легкого движения его кисти, подхватывает и возносит его самого, как волна прилива.

Через пять часов — Аликанте, вечером — Африка. Бернис задумался. На душе спокойно: «Я навел порядок». Вчера с вечерним скорым он оставил Париж. Это был странный отпуск, в памяти брезжит лишь непонятное смятение. Ему еще будет больно, но сейчас — все отброшено, осталось позади, как будто живет своей, отдельной от него жизнью. Сейчас он заново рождается вместе с этой зарей — и, дитя рассвета, помогает создавать новый день. Он думает: «Я только рабочий, я налаживаю связь с Африкой».

А для рабочего, заново строящего мир, этот мир каждый день начинается заново.

«Я навел порядок...» Последний вечер в своей квартире. Кипы газет, пачки книг, письма — эти разобраны, те — в огонь. Для мебели приготовлены чехлы. Каждая вещь вырвана из своей жизни, выброшена в одиночество и пустоту. И в этом смятении сердца — уже никакого смысла.

Он собирался в завтрашний день, как в дальний путь. Отплывал в него, как на поиски новых земель. Только что его привязывало к самому себе множество незавершенных дел. И вдруг — он свободен. Бернис почти со страхом открывает, что он свободен и лицом к лицу со смертью.

Внизу проплывает Каркассон со своим запасным аэродромом.

Высота — три тысячи метров. Какой совершенный порядок царит там, внизу! Игрушечный мир аккуратно собран и сложен в коробку. Дороги, каналы, дома — все, чем играет

человек. Мир тщательно размеченный и разлинованный: каждому полю — своя изгородь, каждому парку — своя стена. Каждой каркассонской лавочнице — жизненный путь ее прабабки. Каждому — маленькое, от сих до сих счастье. Игрушечная жизнь, аккуратно помещенная под стекло.

И уж так он выставлен, выложен напоказ, этот мир под стеклом! В строгом порядке следуют на рулоне карты городки, и земля медленно, с неукоснительностью морского прилива пронесит их под крылом самолета.

Бернису кажется, что он совсем один. Солнце бликует на циферблате высотомера — сверкающее, ледяное солнце. Чуть нажми на педаль — и там, внизу, все снесет течением. Только этот неживой свет — и земля словно неживая: с нее стерли то, в чем таится сладость, хрупкость, аромат жизни.

Но вот под этой кожаной курткой — теплое тело, теплое, Бернис, и уязвимое. Под грубыми перчатками — волшебные руки, умевшие, Женевьева, кончиками пальцев ласкать твоё лицо...

Испания.

III

Сегодня, Жак Бернис, ты пройдешь над всей Испанией спокойно и уверенно, как хозяин. Знакомые виды будут сменять друг друга. Ты запросто, локтями, проложишь себе путь сквозь грозы. На тебя, а потом — за тебя, назад, несет Барселону, Валенсию, Гибралтар, — есть! Ты скатываешь эту карту обратно в рулон, за спиной — все больше сделанной работы. А я вспоминаю твои первые шаги — и мои последние советы перед твоим первым почтовым. С рассветом тебе предстояло взять в руки множество людских раздумий. В свои слабые, уязвимые руки. Взять — и перенести через тысячи преград, как сокровище под плащом. Ведь почта драгоценна, сказали тебе, драгоценней, чем сама жизнь. И так же хрупка. От любой промашки она может исчезнуть в огне или рассеяться по ветру. Вот какой он был, тот канун битвы:

«И что тогда?»

«Тогда попробуй дотянуть до пляжа у Пеньисколы. Но осторожно — там рыбацьи лодки».

«А дальше?»

«Дальше до самой Валенсии всегда найдешь где сесть. Вот, я тебе обвожу красным. На худой конец, сойдут и высохшие русла».

Зеленый абажур, расстеленные карты — Бернис как будто снова в школе. Но в каждом клочке земли его новый учитель открывал для него живую тайну. Неведомые страны представляли отныне не мертвой цифирью, а настоящими лугами, полными цветов (берегись вон того дерева!), настоящими пляжами, устланными песком (вечером будь осторожен — рыбаки!).

Ты уже понял, Бернис: никогда не узнать нам ни Гранады с Альмерией, ни Альгамбры, ни мечетей — только самые скромные тайны ручейка и апельсинового дерева.

«Ну, слушай: если с погодой порядок, иди напрямик. А если погода плохая и лететь приходится низко — ты берешь влево иходишь в эту долину».

«...вхожу в эту долину...»

«А потом — снова к морю, через вот этот перевал».

«...к морю через перевал...»

«С мотором поосторожней — берег там крутой, кругом скалы».

«А если начну проваливаться?»

«Придется выпутываться!»

Бернис улыбается: молодые пилоты — романтики. А какую-нибудь скалу швырнет на тебя, как из пращи, — и убит. Бежал ребенок — и вот неведомой рукой поражен прямо в лоб и повержен навзничь...

«Да нет, старина, в самом деле! Всегда приходится выпутываться».

И Бернис горд таким уроком: в детстве во всей «Энеиде» не нашлось ни одной тайны, какая хранила бы от смерти. Школьный учитель, проводя пальцем по карте Испании, не

умел открыть ни родника, ни клада, ни западни, ни той, из песенки, пастушки на лугу.

Что за нежность лилась в тот день из-под зеленого абажура! Маслом этой лампы можно было бы усмирить морскую волну! За окном крепчал ветер, и наша комната впрямь казалась одиноким островком, приютом моряков.

«Винца?»

«Пожалуй...»

Комната пилота, ненадежный приют, — каждый раз приходилось строить ее снова. Накануне вечером Компания извещала: «Пилот такой-то назначается в Сенегал... в Америку...» И в ту же ночь — порвать все связи, заколотить ящики с вещами... Скромный наряд твоей комнаты — фотографии, книги, — все прочь, среди голых стен не остается даже призрака... А порой в ту же ночь надо было еще разомкнуть обнимавшие тебя руки, осилив какую-нибудь юную особу. Убедить невозможно — ведь каждой не занимать решимости, но можно измотать любовью и к трем утра, покорившуюся не разлуке, а своему горю, потихоньку препоручить сну, понимая: она плачет — значит, смирилась...

Что же ты узнал, Жак Бернис, отправившись странствовать по свету? Самолет? Он продвигается вперед так медленно и трудно, словно просверливая твердый кристалл. И города мало-помалу становятся на одно лицо: плоть каждого ощущаешь только на земле. Ты знаешь теперь, все эти дары даются и тут же отнимаются, и время уносит их, как морская волна. А тогда ты возвращался из первых полетов и чувствовал, как в тебе рождается новый человек, и тебе все хотелось устроить ему свидание с нежным мальчуганом былых времен, — почему? В первый же свой отпуск ты потащил меня в родной коллеж. Здесь, в Сахаре, ожидая твоего мимолетного появления, грустно мне вспоминать, как мы ездили в гости к нашему детству.

Белый особняк среди сосен. Вот загорелось окно, чуть погодя — второе. И ты сказал мне: «Вон в том классе мы писали наши первые стихи».

Мы явились из такой дали. Мы укрывали целый мир полней тяжелого плаща, в нас жили бессонные души странников. В незнакомые города мы вступали, сжав зубы, при полном защитном снаряжении. Людские толпы обтекали нас. Для прирученных городов — Касабланки, Дакара — мы берегли белые тенниски и фланелевые брюки. В Танжере мы даже ходили с непокрытой головой: к чему доспехи в этом сонном городке!

Мы вернулись крепкими, сильными, настоящими мужчинами. Мы боролись и страдали, из конца в конец пролетали над бескрайними землями, любили женщин, не раз играли в орлянку со смертью, — только бы одолеть худшие страхи нашего детства, не бояться больше, что оставят после уроков и дадут лишнее задание, и бестрепетно слушать по субботам отметки за неделю.

По вестибюлю прошел шепоток, слышались возгласы — к нам спешили наши старые учителя. Золотой свет ламп лился на пергаментные лица, а глаза лучились радостью и приветом. И тотчас стало ясно: они знают, мы теперь — из другого теста. Так повелось: выпускники возвращаются, их поступь тверда, их ведет жажда реванша.

А потому их не удивило ни мое крепкое рукопожатие, ни прямой взгляд Жака Берниса. Потому они сразу приняли нас как мужчин, и кто-то побежал за бутылочкой старого самосского — прежде об этом не могло быть и речи.

Ужин собрал нас всех за столом. Они жались друг к другу под абажуром, как крестьяне вокруг очага, и мы ощутили их слабость.

Ведь это от слабости стали они снисходительны. Нашу прежнюю лень, что вела напрямик в бездну пороков и несчастий, — вспоминали с улыбкой, как невинное прегрешение детства. Нашему честолюбию, с которым некогда так яростно боролись, — в этот вечер потакали, называя благородным... И даже учитель философии снизошел до признаний.

Декарт, похоже, основал свой метод на логической ошибке. Паскаль... Паскаль так бесчеловечен! Ну, а он сам... Жизнь подходит к концу, а он так и не разрешил для себя, сколько ни пытался, старую как мир проблему свободы воли.